

Станюкович Константин Михайлович

Блестящее назначение

Константин Михайлович Станюкович

Блестящее назначение

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Во втором часу погожего осеннего дня 186* года к подъезду деревянного особняка в одной из дальних кронштадтских улиц подъехал на извозчике капитан второго ранга Виктор Иванович Загарин, только что приехавший на пароходе из Петербурга.

Это был небольшого роста, худощавый человек лет под сорок на вид, с располагающим серьезным и озабоченным лицом, обрамленным длинными и густыми светло-русыми бакенбардами.

Одет был Загарин очень скромно.

На нем - потертое пальто, из-под отворотов которого был виден далеко не блестящий, шитый золотом, воротник мундира. На шее красовался орден. На голове была старая фуражка, чуть-чуть сбита на затылок. В маленькой красивой руке - треуголка.

Загарин не успел позвонить, как дверь подъезда распахнулась, и моряка встретил вестовой Рябкин, молодой, красивый, чернявый матрос, сияющий здоровьем, свежий и румяный, с ослепительными зубами. Он был в синей фланелевой рубаше с открытым большим воротом, черных штанах, широких внизу и обтянутых к поясу. Опрятные ноги были босы.

- Благополучно? - с заметным нетерпением в негромком мягком голосе спросил Виктор Иванович, всегда после женитьбы задававший этот вопрос, как только возвращался домой.

- Все, слава богу, благополучно, вашескобродие!

- Виктор Викторыч и барыня гуляли?

- Есть! Прогуливались в саду, вашескобродие!

Рябкин принял треуголку и бросил на Загарина тревожный и пытливый взгляд смысленных карих глаз.

Лицо Виктора Ивановича, казалось, было спокойно.

Но Рябкин недаром же семь лет жил вестовым у Загарина и знал его самообладание. И он сразу решил, что барин "в расстройке".

Еще бы!

Он видел, что Виктор Иванович, обыкновенно добродушный, простой и веселый, особенно дома, вернулся из Петербурга таким серьезным и озабоченным, каким бывал только на

мостике своего судна во время шторма или когда дома было неблагополучно.

Он обратил внимание и на то, что Загарин не летел, как всегда, в комнаты, а, напротив, словно бы нарочно замедлял шаги, поднимаясь по небольшой лестнице и проходя по галерее.

Но главное, что смутило и испугало вестового: в серых лучистых глазах Виктора Ивановича было что-то тоскливое.

И молодой матрос, всегда жизнерадостный и в последнее время совсем счастливый до глупости молодожен, - внезапно омрачился.

- Что, Рябкин? Не ожидал? - участливо спросил Загарин.

- Вышла, значит, "лезорюция", вашескобродие? - подавленным голосом промолвил Рябкин.

- То-то вышла.

И Виктор Иванович подавил вздох.

- В дальнюю, вашескобродие?

- Да. На три года.

- Ведь мы весь прошлый год были в Средиземном, а раньше три года в дальней были, вашескобродие!

- Так что же?

- Можно бы обсказать вышнему начальству, вашескобродие. Так, мол, и так...

- Ты дурак, Рябкин! - ласково промолвил Виктор Иванович.

И почему-то остановился, понюхал распустившуюся розу среди множества цветов, которыми была уставлена галерея, и вошел в прихожую.

В светлой прихожей слегка пахло смолой от большого пенькового мата. Все, начиная от вешалки и кончая лампой, сияло чистотой. Все словно бы предупреждало о безукоризненном порядке, ласковой домовитости и мире во всей небольшой квартире.

В полурастворенную дверь была видна залитая солнцем часть гостиной, сочные листья пальм, зеркало, японские вазы, ковер, мягкие кресла... И так светло... Так уютно... Так мила вся эта скромная обстановка!

И Виктор Иванович еще больше и острее почувствовал, как "дорог ему берег"...

"А между тем его отрывают от всего, что так дорого и близко ему... Есть холостые отличные капитаны... Есть женатые, с восторгом уходящие в Тихий океан... Есть карьеристы... За что?" - снова подумал Загарин и почти строго сказал, когда Рябкин снимал с него пальто:

- Завтра перебираться на "Воин"!

- Есть, вашескобродие.

И тоскливо прибавил:

- Когда уходим?

- Да что ты пристаешь, Рябкин! - с внезапной резкостью проговорил Виктор Иванович.

- Виноват, вашескобродие... Насчет запаса полагал... По той причине и обеспокоил! - промолвил вестовой.

Виктор Иванович направился было в гостиную, но вдруг обернулся к Рябкину.

Ласково взглядывая на сконфуженного и грустно притихшего любимца-вестового, Загарин с обычной своей мягкой сдержанностью промолвил:

- Через неделю снимаемся... А о запасах для меня пока не хлопочи... У прежнего капитана, верно, все запасено... Купим у него...

И еще мягче прибавил:

- Всю эту неделю, с вечера будешь съезжать сюда... домой и оставаться до утра...

- Как же будете одни без меня на "конверте"? - озабоченно промолвил Рябкин.

- Не беспокойся. Вечерами и я домой. А к флагу вместе на корвет.

Рябкин благодарно взглянул на капитана и спросил:

- Фрыштык{410} подавать, вашескобродие? Ариша постаралась.

- Спасибо. Не надо. А ты, Рябкин, не раскисай перед Аришей... Больше расстроишь свою жену... Постарайся для нее... Будь молодцом.

- Есть, вашескобродие! Известно - бабье сословье... Ревет! проговорил, стараясь бодриться и показать себя молодцом, Рябкин.

Но голос его вздрагивал и пригожее его лицо подергивалось, точно Рябкин готов был зареветь.

II

В эту минуту, топя ножонками, в прихожую вбежал маленький мальчик лет трех, худенький, бледнолицый, с золотистыми кудрявыми волосами и прелестными, необыкновенно большими, темными глазами.

Это был тот "Виктор Викторович", о котором спрашивал отец вестового.

В первое мгновение мальчик остановился с разбега и загоревшимися глазами любовался мундиром, густыми золотыми эполетами и орденами на шее и на груди отца, и затем бросился к нему, властно поднимая ручонки и вытягивая губы, чтобы его подняли и поцеловали.

Виктор Иванович поднял, как перышко, ребенка и с какой-то особенной порывистой горячностью целовал его и с мучительной тоской взглядывал на это милое личико с большими, широко открытыми, не по-детски умными, проникновенными глазами.

Он понес своего ненаглядного "Виктора Викторовича" в гостиную, и мальчик, перебирая ордена, говорил:

- Ты не уедешь от нас, папа? Тебе позволили остаться с нами?

- Нет, милый... не позволили...

- Так возьми Вику с собой...

- А как же мама останется без Вики?

- И мамочку возьми... И Рябкина... И няню... И Аришу... И Шарика... И чижика... Всех... Всех возьми!..

Вместо ответа моряк крепко прижал к себе мальчика и, спуская его на пол, вынул из кармана игрушку.

Он завел мышку, и она побежала по полу, делая маленькие круги.

- О... папа... смотри!..

Мальчик в восторге присел на корточки.

Отец умиленно взглянул на Вику и, стараясь скрыть тоску, направился в комнату жены.

III

Но из дверей уже торопливо вышла, слегка переваливаясь, высокая матовой белизны брюнетка лет двадцати пяти, в мягком теплом капоте, прикрывающем заметную полноту ее талии.

Это была необыкновенно милая женщина, при виде которой точно светлело на душе за хорошего человека. Даже самый легкомысленный человек с невольным почтением глядел на эту скромную, слегка застенчивую красавицу, казалось, и не понимающую прелести красоты ее одухотворенного изящного лица, доверчивого и ласкового, и больших ясных правдивых глаз, опущенных длинными ресницами.

Сразу чувствовалось, что за такой женщиной нельзя было ухаживать. Ее только можно было полюбить безнадежно, завидуя счастливцу Загарину, у которого, далеко не красивого и не блестящего, такая жена, что даже кронштадтские сплетни не могли ее коснуться.

Все только дивились такой на редкость счастливой паре.

Почти с благоговейной осторожностью обнял Виктор Иванович жену и, поцеловав ее, хотел только сказать о несчастье - своем неожиданном назначении в плавание на три года, - как жена, крепко сжимая в своей маленькой руке руку мужа, словно бы не отпуская его от себя и точно все еще не доверяя тому, что сразу почувствовала, как только что увидела мужа, спросила:

- Да неужели могли сделать такую несправедливость? Назначили тебя командиром "Воина"?

- Напротив... Блестящее назначение, Вера.

- Но ведь ты не хочешь его.

- Еще бы!..

- Отказывался?

- Разумеется.

- И все-таки... на три года?

Виктор Иванович махнул головой.

- Нет... Это невозможно! - растерянно проронила молодая женщина.

И, вдруг спохватившись, сказала:

- Ты, милый, голоден... Идем в столовую.

Загарин отказался. Он закусил в Петербурге.

И с необыкновенной нежностью промолвил:

- Ты лучше садись, Вера... Устанешь.

- Пойдем ко мне... Няня здесь с Викой... Расскажи, что министр сказал... Отчего тебя назначил...

Мышка остановилась. Мальчик схватил ее и подбежал к матери.

- Мамочка! Смотри какая!.. Папа привез... Он всех нас возьмет! радостно кричал Вика.

И, показав матери мышку, отнял ее и вернулся к пожилой своей няне Матрене Петровне.

Вера Николаевна, казалось, все еще не могла поверить, что муж уйдет в плавание... Им всем так хорошо вместе...

"Все ли Витя говорил министру, чтоб остаться!?" - подумала она.

И, когда они уселись на маленьком диване в уютной, перегородженной японскими ширмами спальней, Вера Николаевна, стараясь скрыть от мужа душевное волнение, спрашивала:

- Ты говорил министру, что у нас Вика?.. Ты говорил, что скоро у нас...

И молодая женщина крепко прижалась к мужу, словно ища помощи, и продолжала:

- Ты говорил, что мы только четыре года женаты?.. Ты говорил, милый, что мы счастливы и не хотим расставаться? Говори... как тебя он встретил?.. Почему отказал?..

- Приветливо встретил и сразу огорошил. "Назначаю, говорит, командиром "Воина", как одного из лучших капитанов. Надеюсь, довольны?"

- Изумился, милый?

- Да. Ты знаешь, до сих пор начальство не баловало вниманием. И вдруг: "из лучших"! Кто это мне удружил - перед министром - не понимаю! Не сам же выбрал... Однако подумал: верно, сейчас же отменит назначение... Желающих много... И сказал, что считаю себя вправе просить не назначать меня. Говорю, что семейные обстоятельства решительно вынуждают меня остаться здесь.

- Что ж он?

- Окрысился и грозно сказал: "На службе нет семейных обстоятельств!"

- Какое бессердечие! Да разве у него нет семьи? Нет детей? воскликнула Вера Николаевна.

И слезы задрожали на ее глазах.

- Он не бессердечный... И не злой... И семья есть...

- Так как же не понимает семейных обстоятельств?

- Понимает и свои и чужие... Но у нас, Вера, нет протекции... И знаешь - я не из ласковых телят... Не рассыпался в благодарностях за назначение... А в кабинете у министра было два старых адмирала да несколько штаб-офицеров... Он и хотел на мне показать, какой он радетьель службы... Однако все-таки осведомился: "Какие такие могут быть семейные обстоятельства?.." Точно не знал, какие именно обстоятельства! - возбужденно проговорил моряк.

И, стараясь быть сдержаннее, чтоб не взволновать больше и без того взволнованную жену, Виктор Иванович продолжал:

- Ты поймешь, Вера, что не мог же я объяснять, что без тебя и Вики эти три года будут невыносимы... Да, верно, уж ему наболтали о нашем счастье...

- Ты прав, милый! - шепнула молодая женщина и пожала руку мужа.

- И я коротко сказал, что здоровье жены и сына требуют моего присутствия. И прибавил, что весь прошлый год плавал в Средиземном...

- А он?

- Ответил, что мои доводы не заслуживают уважения... И так... так скверно искривил свой беззубый рот в улыбку и колко сказал: "Такой чувствительный семьянин не должен быть моряком. Раз служите - должны плавать. Немедленно примите корвет и с богом!.." И некоторые из присутствующих тихо захихикали. Хотели подслужиться. Есть ведь подлецы!

Виктор Иванович поморщился точно от боли и продолжал.

- И ведь адмирал прав... Да, прав!

- Ты его еще оправдываешь?

- Да, родная моя. Ведь с тех пор, как я привязался к тебе, море перестало быть для меня прежним... Служба не захватывает больше... Меня манит берег... к тебе... Я знаю, что такое счастье... И как министр сказал, так хоть в ту же минуту подал бы в отставку.

- Так что ж?..

- А где сейчас найдем место? Чем будем пока жить? И не дали бы отставки... Еще, пожалуй, отдали бы под суд... Неповиновение начальству... Исключили бы со службы...

И взволнованным, виноватым голосом Виктор Иванович вдруг прибавил:

- Виноват я перед тобой, Вера. Должен был раньше выйти в отставку... Тогда бы...

- Что ты говоришь, Витя?.. Ты, хороший, избаловавший меня счастьем, виноват передо мной?! - перебила Вера Николаевна.

И, едва сдерживая рыдания, глядела на мужа прелестными большими и грустными глазами, полными бесконечно благодарной любви беззаветно преданной, но не влюбленной женщины.

Виктор Иванович благоговейно поцеловал ее руку и восторженно промолвил:

- Золотое ты сердце... А я все-таки виноват... "Слишком чувствительный семьянин для флотского офицера"!

Загарин пробовал улыбнуться. Но вместо улыбки вышла какая-то гримаса.

И он продолжал:

- Ушел от адмирала, и блеснула надежда. Извозчика и - к Путинцеву. Знал, что он в Петербурге... Знаю, что бесшабашный карьерист, без правил, только что выскочил, адмирал и влюбленный в себя... Любимец министра... А все-таки, думаю, товарищ... Стоит только доложить адмиралу, и меня вызволит...

- Не люблю я Путинцева! - вдруг возмущенно воскликнула Вера Николаевна, обыкновенно очень снисходительная к людям.

И лицо ее залилось румянцем.

- Хлыщ... Женатый Дон-Жуан... И еще хвастает победами... То-то и не любишь Путинцева.

- Просто не терплю его... Я видела его два раза в собрании... Он так гадко глядел на дам, что они должны бы сгореть от стыда...

- На тебя, надеюсь, не смел так смотреть? - спросил Виктор Иванович и внезапно побледнел.

- Что ты, милый... Хоть он и нахал...

- Смел бы! - глухо прошептал Виктор Иванович.

И Вера Николаевна, с чувством гадливости вспомнившая о взгляде Путинцева, еще вчера на улице заставившего ее покраснеть и отвернуться, снова вспыхнула и оттого, что скрыла про этот взгляд, чтоб не расстроить мужа, и оттого, что Путинцев осмелился так взглянуть на нее.

И она сказала:

- Разумеется, Путинцев не захотел тебе помочь?..

- И вдобавок оказался лицемерным прохвостом... Стал распинаться в товарищеских чувствах... Вилял и сказал, что он не в таких отношениях с министром, чтобы просить за другого... И наврал с три короба, чтоб увильнуть... И сказал, что, верно, кто-нибудь из старых адмиралов указал на меня министру. И он решил, что я должен идти, и заартачился. Он упрям... И что я, верно, раздражил его, если он так категорически отказал... И советовал по-товарищески идти, а через год пусть я прошусь по болезни в Россию. И тогда Путинцев похлопочет. "Ты, говорит, опять будешь в семье..." И еще соблезновал... Одним словом, мне было досадно, что я первый раз в жизни искал протекции и обратился к нему... Так и сказал Путинцеву.

И муж и жена притихли.

Наконец Вера Николаевна спросила:

- Когда ты должен уходить?

- Через неделю...

- Нет... Не уходи... Не уходи... Ведь это... несчастье... За что?

IV

Для такого мужа и отца и такого не честолюбивого и далеко не завязанного моряка, каким был Виктор Иванович, блестящее назначение было действительно большим несчастьем.

Но старик-адмирал, насмешливо назвавший Загарина "чувствительным семьянином", едва ли

верил, что "семейные обстоятельства" уж такие серьезные, чтобы хорошему офицеру отказываться от дальнего плавания.

Не мичман же он. Мичману простительно втюриться до умопомрачения. На то и мичман!

"Но капитану второго ранга, которому под сорок, не к лицу разыгрывать влюбленного", - думал скептик-старик. Да и по опыту и по наблюдениям он не сомневался, что моряки трезво и просто относятся к разлуке, иногда и продолжительной, с женой и детьми.

Нечего и говорить, что назначение Загарина возбудило толки в морских кружках Кронштадта.

Многие моряки завидовали счастливцу, командующему щегольским корветом, отправляющимся в Тихий океан. И лестно и выгодно. На береговое содержание трудно жить семейному человеку, а в дальнем плавании усиленное жалованье. Все знали, что ни Загарин ни жена не имеют ничего, кроме содержания, и живут очень экономно. А теперь можно поправиться.

Тем более удивлялись, что Виктор Иванович пробовал отказаться от назначения.

Правда, Загарины счастливая пара, но разве можно так близко принять к сердцу разлуку. Не одному ему придется расставаться... Или он очень ревнивый? Так Вера Николаевна на редкость женщина. И так привязана к мужу и такая "остойчивая", что не "сдрейфит". Нечего ему бояться за свое счастье...

В морском собрании, как водится, критиковали высшее морское начальство.

Особенно горячились более честолюбивые капитаны, рассчитывавшие получить "Воин", и были такие, которые уже хлопотали об этом назначении, как только прежний командир Петровский заболел. Были пущены в ход всякие средства, даже и едва ли благовидные, разумеется, хранившиеся втайне.

Все находили, что Виктор Иванович отличный человек, хотя и не совсем были довольны, что после женитьбы он спрятался в своей семейной скорлупе и его редко видели в собрании, среди товарищей. Он точно избегал общества. Почти ни у кого не бывал и никого не звал к себе. Разумеется, он был отличным старшим офицером и исправным командиром, но не лихой и не энергичный моряк. И уж чересчур "гуманничает" с матросами. Иногда и нужно "подбадривать" их. Оттого у него на судах не было того "шика", который необходим военному судну... Одним словом, далеко не из блестящих капитанов. Слишком слаб для командира.

И, разумеется, все решили, что, по справедливости, есть более достойные капитаны, чтоб командовать судном в заграничном плавании и не осрамиться перед иностранными моряками... Нет в Викторе Ивановиче морской жилки... Был, но, как женился, Загарин не тот. Положим, он отказывался... Однако все-таки идет!

Кто-то заступился за него.

- Виктор Иванович и сделал бы глупость - не пошел бы. Но адмирал заартачился.

Тогда капитан второго ранга Никулин, красивый брюнет с бегающими лукавыми глазами, не без уверенности проговорил:

- Захоти Загарин похлопотать вплотную, небось, сумел бы остаться... Видно, не очень-то трогательны домашние обстоятельства... Экая, в самом деле, семейная идиллия... После четырех-то лет... И я встретил Виктора Иваныча... Вовсе не имеет вида страдальца... Еще бы! Только что в штабе подъемные получил!..

Никулин захихикал и прибавил:

- Я было к нему с участием, а он ответил с большим "ассаже"... Еще товарищ! Прижучило бы его очень, спросил бы Николая Сергеича Никулина совета... Он и сказал бы ему, как избавиться от назначения. Знаю лазейку... Но только он, видно, раздумал...

- Какую лазейку? - спросили с разных сторон.

- Ну да уж есть такая... Так и разбалтывай!.. Ведь вы, господа, не отказываетесь от хороших назначений! - лукаво улыбаясь, сказал Никулин.

- Загарин антик{418} - откажется... Вы ему скажите про нее... Он попытается, - сказал товарищ Виктора Ивановича.

- Небось, самому хочется?.. Поздно... Пока что, а подъемные тю-тю... Долги-то, верно, у Загарина есть! - ответил, смеясь, Никулин.

Однако глаза его особенно забегали.

V

Загарин действительно не делал больше никаких попыток.

Он походил на того мужественного приговоренного, у которого нет более надежды, и ему остается только скрывать мучительную тоску, похожую на агонию, в эти немногие дни перед разлукой, чтобы не увеличивать страданий безумно любимой жены и единственно преданного друга.

И Виктор Иванович геройски переносил несчастье.

С утра до вечера он был на корвете, где заканчивались портовые работы, и старался заботами о скорейшем уходе "Воина", согласно предписанию начальства, отвлекаться от назойливых тяжелых дум.

И офицеры и матросы, видимо довольные новым командиром, встретили его так радостно, что Виктор Иванович был тронут. Он, конечно, догадался по этой встрече, что прежний командир уже напугал людей своей неумолимой строгостью наказаний и надменно-дерзким обращением, и матросы так обрадовались, уверенные, что дальнейшее плавание, и без того неприятное им, морякам поневоле, по крайней мере не будет непрерывной "каторгой" с постоянным страхом наказаний и вечным трепетом перед жестоким педантом-командиром.

Недаром же Петровский имел репутацию блестящего капитана, на судах которого матросы были "идеально" расторопны, суда - игрушками, и сам он один из лучших представителей флота по лихости, находчивости, энергии и железной воле.

Хоть хорошая молва и не так бежит, как дурная, тем не менее о Загарине матросы кое-что знали. И с первого же дня, как на клипер приехал новый командир, и офицеры и матросы вздохнули. И лица стали не такие подавленные. И разговоры в кают-компаниях и на баке пошли другие. Даже "Волчок", маленький песик, кем-то из матросов привезенный с берега на клипер и впредь до распоряжения почти не показывавшийся на палубе, вдруг появился и путался между матросами, сперва робкий, с поджатым хвостом, а через день уже не без гордости носил его крендельком, и матросы уже не сомневались, что "Волчок" поедет с ними в "дальнюю".

Судовой врач Нерозов, недавно окончивший курс молодой человек, поступил в морскую службу для того, чтоб попасть в дальнейшее плавание и увидеть роскошную природу, диковинные страны и людей. И, счастливый, что мечты его осуществились, он через месяц принужден был отказаться от желанного плавания - до того расстроил и напугал Петровский своим обращением с людьми и жестокостью, и подал в отставку. Теперь молодой человек

снова обрадовался и, взволнованный от страха, что уж поздно вернуть отставку, он в тот же день полетел хлопотать и вечером веселый вернулся с берега. Он останется и пойдет в плавание да еще с таким капитаном, как Загарин.

- Вы вот радуетесь, и все мы радуемся, что пойдём с Виктором Ивановичем. А он-то, бедняга, кажется, недоволен, что едет! Недаром отказывался! Да только не "выгорело" Виктору Ивановичу! Не умеет он просить начальство. Не из таких! - сочувственно говорил старший механик Биркин, и сам бывший "не из таких".

- Отчего же Загарин отказывался? - спрашивал доктор.

- Вот подите ж... На редкость привязан к своей жене... Просто не так, как у нас, в Кронштадте, а вроде как обезумевший. Бывают же такие мужья... Ну да и Вера Николаевна... Я видал ее... Просто на сердце веселей, как увидишь такую даму...

Молодой доктор серьезно заметил, что сильные привязанности иногда очень расстраивают нервную систему... Но, по-видимому, Загарин не кажется неврастеником.

- И не покажется... С характером человек.

Тем не менее молодой врач решил, что он будет наблюдать за капитаном и постарается помочь ему, если нервы его будут расстроены.

На другой день в кают-компании было известно, что Загарин, из-за необходимости расстаться с семьей, отказывался от назначения.

Эта новость не произвела на офицеров, даже и на женатых, сильного впечатления.

Кроме старшего механика и врача, обоих холостых, все больше удивлялись, но не сочувствовали. А мичмана, с жестокостью очень молодых людей, даже подсмеивались над пожилым человеком, которого сумасшедшая и продолжительная любовь к жене, - будь она хоть бы сама милая Вера Николаевна, - казалась смешной и даже несколько унижительной для моряка.

И один из них не без задорного самодовольного хвастовства воскликнул:

- Я и сам летом врезался... Хотел было: "Исайя, ликуй"!..{420} Но как меня назначили, господа, на "Воин" вахтенным начальником, я взял да и скомандовал себе: "Иван Иванович! Право на борт! Марса-фалы отдай. Поворот оверштаг!" И, как видите, в полной памяти и в здравом рассудке... А как, слава богу, у нас командиром Виктор Иванович, так хоть кричи "уру", что иду на корвете!

Через Рябкина и на баке узнали, что новый капитан "в расстройке" по случаю его большой "приверженности" к барыне и маленькому барчуку. Кстати, и Рябкин пожаловался, что ему очень нудно уходить из Кронштадта.

И некоторые матросы пожалели капитана, а к жалобам вестового, напротив, отнеслись без сочувствия, точно не матросское это дело - перед людьми изливаться в тоске по своей бабе, и не один он расстается с женой.

И кто-то сказал:

- Такие ли бывают, братец ты мой, горя и у нашего брата.

VI

Виктор Иванович сделал все необходимые семейные дела и распоряжения.

Он написал своей матери, жившей в Твери, переехать в Кронштадт к Вере; перевел жене получение большей части своего содержания и просил своего друга Николаева, ординатора в кронштадтском госпитале, часто навещать жену и немедленно телеграфировать, если жена или Витя заболеют серьезно.

- Ладно! - ответил доктор, расхаживая по своей большой комнате, нанимаемой у жильцов.

Здоровье Вити и прежде беспокоило Загарина и жену.

Но теперь этот худенький, бледный мальчик, с большими вдумчивыми глазами, который не будет на любящих глазах отца, возбуждал в нем мрачные, страшные мысли.

И он, скрывая страх, спросил доктора о здоровье мальчика.

Доктор, пожилой холостяк, давно привязанный к Загарину, сказал:

- Твой Вика хоть и слабенький, но никакой болезни в нем нет. Вера Николаевна умная мать... Умеет ходить за ним... Мальчик выровняется... Не тревожься, Виктор Иванович... Я присмотрю за твоими... Сам только не распускай себя, голубчик... И на кой черт именно ты им понадобился, несмотря на твой отказ... Так помни, Виктор Иванович. Если нервы расшлятся - посоветуйся с Нерозовым... Он порядочный человек и толковый врач. И если все бромь и прочие средства не помогут, валяй телеграмму начальству о болезни, брось корвет и... домой. А пока раздевайся... Дай на тебя посмотрю.

Доктор добросовестно выстукал и выслушал Загарина и сказал:

- Все в порядке... Только пульс повышенный... Эти ночи плохо спишь?..

- Мало...

- Еще бы... Уж лучше скорей уходи.

- Через пять дней уйду, Егор Егорыч.

- И пусть Вера Николаевна и не думает ехать на корвет - провожать тебя...

- Вере хочется.

- Мало ли чего хочется... Я приду на днях и скажу ей, что нельзя... А к тебе, в день ухода, заберусь с утра, как только обход своих больных сделаю.

Друзья расстались. Доктор отправился в госпиталь. Загарин вернулся на корвет.

Виктор Иванович несколько успокоился за Вику и, покончив все семейные дела, считал, что готов к уходу в плавание.

По крайней мере Вера не останется без него одинокой.

Вернувшись на корвет, Загарин приказал Рябкину развесить портреты жены и Вики в спальней своей роскошной капитанской каюты.

В шесть часов вечера Виктор Иванович вместе с вестовым уехал на вельботе на берег.

Дома его уже ждал обед.

И муж и жена не говорили о том, что обоих их мучило и что оба они старались скрыть друг от друга. И как будто нарочно рассказывали о разных предметах, не имеющих никакого отношения к разлуке. Вера Николаевна рассказывала о Вике, как он с ней гулял, что говорил,

о прочитанной повести, о том, что себя хорошо чувствует, о нескольких визитах знакомых дам. А Виктор Иванович, словно бы занятый своим корветом, говорил о работах, о старшем офицере, докторе и старшем штурмане...

И вдруг оба смолкали и не глядели друг на друга. Разговор не клеился. Они чувствовали, что напрасно стараются обмануть друг друга и как мучительно тяжело обоим.

И после обеда, притихшие, словно бы виноватые, они сидели вдвоем на маленьком диване в спальне и молчали. Каждый думал про себя, стараясь казаться спокойным.

Часу в восьмом раздался звонок, и Рябкин вошел с докладом, что пришел капитан второго ранга Никулин.

"Что ему надо?" - подумал Загарин.

Он приказал просить в кабинет и, вставая, сказал жене:

- Сейчас сплавлю его, Вера.

- Поскорей!..

В маленькой комнате, служившей Загарину кабинетом, где на диване, после прежних ранних обедов, Виктор Иванович обыкновенно играл с Викой, - стоял красивый брюнет с бегающими глазами и, особенно крепко пожимая руку Загарину, проговорил:

- Извини, Виктор Иванович, что ворвался. Я на пять минут.

- Садись, Николай Сергеич...

- Ты, Виктор Иванович, ведь отказывался от назначения?

- Да.

- И остаешься при своем желании?

- Так что же?

- А то, Виктор Иванович, что еще можно отменить приказание...

Загарин изумленно взглянул на товарища.

- Я тебя не понимаю, Николай Сергеич.

- Поймешь, Виктор Иванович, и скажешь спасибо товарищу... Завтра же едем на первом пароходе в Петербург...

- Зачем?

- Я отвезу тебя, Виктор Иванович, к одной даме...

Загарин нахмурился и спросил:

- К какой даме... И при чем дама?

- Очень милая дама... Ну, одним словом, увидишь... Проси ее, чтоб тебя не посылали, а уж это мое дело, чтоб она устроила мое назначение... И ты будешь доволен, что останешься, и я, что уйду командиром "Воина"... Понимаешь, Виктор Иванович?

Загарин понял.

- Я не поеду, - сухо проговорил он и встал.

Встал и Никулин, несколько сконфуженный.

- Не желаешь остаться?.. Не хочешь воспользоваться протекцией...

- Только не такой...

- Не хуже и не лучше другой, Виктор Иванович... Впрочем, у каждого свои взгляды... Хотел тебе же помочь...

- Напрасно беспокоился... Лучше сам проси даму, чтобы тебя назначили...

- Поздно... Без тебя теперь она не согласится... хлопотать... Ну, а ты... предпочитаешь "дурака свалить"... Извини, что задержал товарища! иронически проговорил Никулин. И, пожав руку Виктора Ивановича, ушел.

Загарин вернулся к жене, и напрасно он старался скрыть раздражение.

Еще бы не заметить его по подергиванию щеки! И Вера Николаевна тревожно спросила:

- Зачем приходил Никулин? Чем тебя раздражил?

- Да как же!.. И как он явился с таким предложением!? - повышая голос, проговорил Виктор Иванович.

И, присевши рядом с женой, рассказал ей, зачем приходил Никулин.

Вера Николаевна, не прерывая, жадно слушала мужа, серьезная и подавленная.

- Ты ведь понимаешь, что я не мог согласиться? Ты ведь не упрекнешь меня, родная моя? Не правда ли? - взволнованно и словно бы без вины виноватый, спрашивал Загарин, ожидая одобрения.

Что-то обидное и больное словно бы укололо внезапно сердце Веры Николаевны. В ее голове промелькнула мысль: "Ради семьи не может остаться. И говорит: так любит!"

Но в следующую же секунду молодой женщине стало бесконечно стыдно.

Хоть Вера Николаевна и не сознавала, отчего так нехорошо предложение Никулина, но в следующее же мгновение, словно бы просветленная, она почувствовала, что оно нехорошо, если такой человек, как муж, возмущился.

И уж не обиженная, а сама, казалось, считавшая себя напрасно обидевшей человека, который так беспредельно и любит и благоговейно влюблен в нее, Вера Николаевна с необыкновенной нежностью, порывисто промолвила, умиленная:

- Милый!.. хороший... Ты прав, конечно...

И Виктор Иванович почувствовал, что с души его спало что-то тяжелое, благодарно взглянул на жену и восторженно проговорил:

- Спасибо, Вера... И как я тебя люблю!

И снова оба искали и не находили слов, пока не пришел доктор Николаев и не втянул их в разговор.

VII

После того, как в столовой отпили вечерний чай и Загарины вместе с доктором перешли в гостиную, - Рябкин и Ариша сидели за самоваром в большой, безупречно прибранной кухне, в углу которой теплилась свеча у образа, а на кухонном столе стояла маленькая лампа.

Ариша, полноватая, здоровая блондинка, была старше мужа и по сравнению с красавцем-матросом казалась и старше своих тридцати пяти лет и почти некрасивой. Но бойкая, с умными глазами, умеющая "ходить за собой" опрятно, Ариша внушала к себе не только влюбленные ревнивые чувства, но и невольное почтение к ее "башковатости" и практической сноровке. И Рябкин находился в полном подчинении Арише, хотя, случалось, и покрикивал на Аришу, словно бы желая показать, что обязан держать бабу в понятии насчет того, что он глава.

И Ариша только лениво посмеивалась, уверенная, что "Вась" только хорохорится.

Она была матросская вдова и через год после того, как первый ее муж потонул, она поступила к Загариным кухаркой, и сама влюбившаяся в вестового, скоро влюбила его в себя и, честь честью, вышла за него замуж. Она была очень счастлива с таким красивым и влюбленным, и веселым, и добрым матросом, и теперь то и дело плакала...

Рябкин выпил несколько стаканов чая и с лимоном и с вареньем, припасенным для него Аришей еще летом, когда на даче варила для барыни, слушал, сколько новых рубашек, носков и другого белья получит к плаванию, и, расстроенный, смотрел, как Ариша, прерывая разговор, начинала всхлипывать, сам вытирал слезы и говорил:

- А ты не реви, Ариша... Не реви... Будь форменной матроской... Посмотри, как барыня выдерживает себя!

Но, довольный, что Ариша так ревет и так заботится о нем, Рябкин, словно бы хотел еще более разжалобить жену, насказав ей, какие опасности предстоят ему в плавании.

И он продолжал:

- На то наше матросское положение, Ариша. Вода - не сухая путь. Бога-то каждый секунд вспомнишь. Небось, слыхала, какой такой окиян. Бабе и не понять... это как штурма... Волна, я тебе скажу, Ариша, такая преогромная, что и не обсказать... Выше собора... И много их... Так и вздымаются над конвертом... И душа замрет. Вот, мол, обрушится и зальет... Окиян... гу-гу-гу... гудит... Ветер - страсть как воет... И конверт бросает во все стороны, как растопку... И волна вкатывается... Прозевай - смоеет... А бывают такие бури, ураганы прозываются, что крышка... Проглотит судно со всеми... Небось, опосля только и догадаешься, что Вась не вернется... Тогда отслужишь панихиду и форменно поревешь... А пока что - не реви, Ариша... Не реви...

Но Ариша уже ревмя редела. И Рябкин, под влиянием своих же жалостных слов, ревел.

Но, впечатлительный, затем спешил утешить и Аришу и себя.

- А ты не бойся, Ариша... Бог даст, вернемся... Очень даже вернемся... Мало ли матросов ворочаются... И Виктор Иванович, небось, во всякую бурю управится... Он - форменный капитан... Не дастся в обиду окияну... И опять же... знает, как не попасть в центр урагана... Тогда нет крышки... Опять будем вместе, Ариша... Не реви зря, желанная моя супруга...

И, когда Ариша отошла немного и подала закусить, Рябкин уже более не вел жалостных речей - и без того у Ариши глаза вспухли от слез, - а, напротив, старался подбодрить ее.

И, уписывая за обе щеки остатки от господского обеда, в промежутке рассказывал, что привезет Арише изумрудный супирчик с Цейлон-острова, и шелковое платье из китайской

стороны, и платочек на голову...

- Совсем будешь облестительная матроска! - говорил Рябкин.

Ариша улыбалась сквозь слезы и нежно шептала:

- Доедай, Вась, жаркое... Доедай...

- А завтра ежели на фрыштык?

- Барыня не хватится. И много ли осталось?.. Не беспокойся... Кушай на здоровье, бесценный супруг... И рюмочку еще... Для тебя припасла марсалы, родной... У нас здесь ее много... Выпей, Вась. В плепорцию можно и вреда нет... Ты ведь у меня твердый супруг... Я не обожаю пьяниц... И ежели когда сама от плиты рюмку, так для сил моих... А с тобой для компании! - говорила Ариша и налила две рюмки.

Выпили они оба, и Рябкин прикончил жаркое.

Глаза Ариши заблестели. Обиднее стало ей, что она останется одинокой.

И не без раздражения сказала:

- Мог бы барин для барыни остаться. Обожает, а не схлопотал!

- Докладывал барину... Обскажите, мол, по начальству. "Дурак!" говорит... А лезорюция-то вышла ему такая, что иди... А отпрашивался... Это верно...

- Так, барыня бы за барина... попросила.

- Нет такого положения... Не пустит барин... То-то и есть... Обидели Виктора Ивановича!

И, помолчав, прибавил:

- А ты живи у барыни, Ариша. Не отходи!

- Зачем отходить от такой барыни...

- Завтра и новый вестовой явится для осмотра... Понравится ли барыне? Только зачем вам вестовой... Зря держать человека...

И Рябкин вдруг стал необыкновенно серьезен.

- И сама одна справлюсь... Не зачем вестового, - торопливо и возбужденно ответила Ариша.

Но молодой матрос нахмурился и почти грубо сказал:

- Ты, Ариша, смотри!..

- Что выдумал?.. Глупый, Вась!..

- Глупый, а вздумается!.. Тоже бывают матроски!

Арина, верно, вспомнила, что с ней бывало, когда первый муж плавал, и в то же время не обиделась на ревнивый, грубый окрик мужа. Напротив!

И зардевшаяся Ариша, со страстной порывистостью влюбленной жены, воскликнула:

- Пропади пропадом все матросы кроме тебя, желанного... Да разве можно тебя променять на кого-нибудь... Не знаешь, как тебя обожаю?..

- То-то и есть, Ариша... Чтобы по совести жила без меня... Не обещай...

И, уже смягченный, Рябкин почти что просящим тоном прибавил:

- Я доверчивый матрос... А ты, Ариша, умная и сноровистая... Не обидь. Нехорошо...

- Чтобы да тебя обмануть?.. Да вот тебе бог!

Ариша, уже вскочившая с табурета, перекрестилась перед образом, разумеется, забывшая, что клялась в том же и первому мужу.

И, низко заглядывая в глаза Рябкина, шепнула:

- Смотри, Вась, и ты...

- Что я?..

- Помни закон... Не смей, Вась!

В свою очередь Рябкин дал слово, что он не согласен забыть закон...

- Совесть еще есть... Проживу по-хорошему! - взволнованно промолвил он.

- Перекрестись! - приказала Ариша.

Рябкин торжественно перекрестился перед образом.

Ариша поцеловала матроса и сказала:

- Завтра же барыне доложу, что вестового нам не надо.

Кукушка прокуковала десять раз, и в кухне раздался звонок.

- Верно, доктор уходит... Беги, Вась...

Через пять минут Рябкин вернулся.

- Ушел... И мне велели спать! - проговорил он, аккуратно повесив на крючок платье Загарина и поставив на сундук сапоги. - Разве завтра вычистить? - словно бы спрашивая совета Ариши, прибавил Рябкин.

- И сама завтра вычищу.

Скоро за перегородкой раздавался храп.

VIII

В одиннадцать часов утра на "Воине" стали разводиться пары.

У борта корвета стоял небольшой военный пароход, на котором приехали провожающие моряков-офицеров.

Погода была отвратительная, и все сидели эти последние часы перед долгой разлукой с родными и близкими в каютах и в кают-компании.

Капитана родные не провожали. Загарин рано утром простился со своими дома и уж на извозчике вытирал слезы.

Бледный и, казалось, спокойный, Виктор Иванович сидел в своей капитанской щегольской

каюте с доктором Николаевым. В качестве друга он старался развлечь Виктора Ивановича и потому рассказывал ему истории и анекдоты, которые уже слышал Загарин.

- Пойти-ка взглянуть, какова теперь погода! - проговорил Загарин.

- Такая же теплая, - ответил доктор.

Оба надели пальто, вышли наверх и поднялись на мостик.

Вахтенный офицер, мичман Иван Иванович, который хвастал, что ему "наплевать" на всякую любовь, и удивлялся, что капитан ради жены отказывался от плавания, одетый в дождевик, с зюйдвесткой на голове, - стоял у компаса рядом с молодой девушкой, закутанной в ротонду. Оба грустные, взволнованные, они о чем-то тихо говорили... А дождь так и лил.

При появлении капитана мичман вдруг смолк, незаметно смахнул слезы и почему-то взглянул на палубу.

Капитан не хотел мешать влюбленным. Он прошел на бак.

Несколько вахтенных матросов, одетых в дождевики, были угрюмы.

- Видишь, как действует на людей погода! - заметил доктор.

- Еще бы! - ответил Загарин и стал смотреть вокруг.

Погода была тоскливая.

Шел дождь с мокрым снегом по временам. Пронизывало холодом и сыростью.

Море, свинцовое и неприветное, слегка переливалось маленькой зыбью, с едва пенившимися, ленивыми "зайчиками". Горизонт большого рейда был затянут мглой... Брандвахта едва виднелась. Небо было обложено тяжело нависшим серым куполом туч. Кронштадт был окутан мутной пеленой, сквозь которую выделялись тусклыми силуэтами церкви и высокие трубы казенных мастерских.

Виктор Иванович смотрел на этот привычный для него осенний вид Финского залива, и Загарина внезапно охватило мрачное предчувствие.

Почему? Что именно вызвало в нем какой-то невольный тоскливый страх? Он не мог себе его объяснить. Далеко не суеверный, владевший собою моряк понимал, что нет никаких причин этого душевного настроения. Не боится же он плавания, знает его опасности и умеет бороться с океаном. Ничто не грозит жизни жены и Вики, кроме тех внезапных недугов, от которых никто не застрахован.

Загарину все это приходило в голову, и он старался отогнать эти мрачные, нелепые мысли, приписав их и нервам, и разлуке, и погоде.

И тем не менее он не мог избавиться от них. Чем назойливее старался не думать о них, тем яснее и, казалось, неотвязчивее чувствовал и словно был уверен, что уход грозит каким-то большим несчастьем. О нем, казалось, говорил и мгlistый горизонт, и море, и небо, и это неожиданное назначение.

- Какие глупости! - сердито проговорил он.

- Это что глупости? Что мы мокнем на дожде? Спустимся лучше вниз... Действительно погода - подлец...

Они вошли в каюту.

Там было тепло, уютно и светло. Вестовой догадался затопить камин и зажечь лампу.

Мрак на душе капитана исчез, и он сказал доктору:

- Нервы, брат, расшалились... Чепуха лезла в голову на баке...

Виктор Иванович рассказал про нее и, смеясь, прибавил:

- Верь я в предчувствия, как старые бабы, то...

- То был бы не Виктором Иванычем, какого я знаю давно, а невежественным человеком и трусом перед опасностью, которой вдобавок еще нет. Так-то, дружище...

- Положим и так... Но если бы эти мрачные мысли угнетали меня?

- На то у тебя есть сильная воля, чтобы не поддаваться им.

- И если все-таки...

- Обязан лечиться, как говорил... Попринимай капли, следи за желудком, а работы у тебя, как капитана, довольно. Нервы у тебя не в порядке. Ну, скажем, в первое время, острота разлуки... Но пока не болен серьезно - не должен распускать себя... Не думаешь же ты, что весь смысл жизни в неразлучном счастливом житии с женой, хотя бы и с такой, в которую влюблен до сих пор до безумия, и с детьми?.. Положим, это одна из приятных сторон жизни, не спорю, но есть и другое. И не один же ты в положении соломенного вдовца... Не один же ты на свете влюбленный муж, расстающийся по каким-нибудь делам с женой... А главное - ведь твое дело серьезное... На тебе ответственность за людей... Их лучшая жизнь, спокойствие, безопасность, их жизнь... На тебе исполнение серьезного долга... Да что я тебе говорю?.. Будто не ты, Виктор Иваныч, пропел мне суровую отповедь пять лет тому назад, когда я так разнервничался, что чуть было не сваял дурака... Ведь помнишь?

- Еще бы не помнить...

- А тогда мое настроение было "бамбуковое", со всякими предчувствиями... Недаром я до сих пор холостяк... Ведь я навсегда расставался с русалкой, на которую раньше молился. Знаешь, любил ли ее?..

- Знаю.

- Но не испытал, что значит обмануться в любимой женщине... Это действительно несчастье... Можно слабой твари и раскиснуть. И помнишь, как я раскис?..

- Совсем раскис...

- Да так, что, не образумь ты меня, не устыди вовремя - пустил бы пулю в лоб... И, как видишь, не считаю себя несчастным оттого только, что меня пустила в трубу красивая русалка... А ведь ты счастлив, Виктор Иваныч, и... вдруг предчувствия...

- Оттого и не хотел идти в плавание, что счастлив, и не тянет меня в плавание...

- Да многих ли тянет?.. Только карьерные соображения... А матросы так идут поневоле в дальнее плавание... Ведь не моряки - русские мужики. Море им непривычно и страшно, что не мешает им быть отличными матросами и из-за страха и за совесть... Ты прежде любил море... Понятно, что теперь разлюбил его и не хочется идти... Однако не воспользовался же предложением небрезгливого товарища.

- Еще бы.

- А если б послали на войну?.. Не хотел бы, а пошел.

- И теперь иду, но это другое дело. И знаешь ли, чего я не понимаю?

- Назначения?

- Именно. Кто мог удружить мне?

- Начальство... Сообразило, что ты дельный капитан и любим матросами... Эти беспощадно суровые, так называемые лихие капитаны, дантисты и поклонники порок, значит, выходят из моды. И уголь не будет так дорог... И матросы не будут бесправными... И во флоте новые песни, как везде. В наше время обновления после крымской войны... И сердись не сердись, Виктор Иванович, а я рад за команду "Воина"...

И доктор, один из тех идеалистов шестидесятых годов, который и в своем маленьком деле применял свои гуманные взгляды, с обычной страстностью стал говорить о тех чудных надеждах, которыми он был полн в это горячее время освобождения крестьян и других реформ...

- Однако и рюмку водки пора выпить за твое здоровье! - заключил доктор.

- Мы завтракаем в кают-компании... Сию минуту полдень, и нас позовут... Так смотри, голубчик... навещай моих... За Викой присматривай...

- Буду... А ты, Виктор Иванович, смотри не того... не распускай себя...

В эту минуту вошел старший офицер и сказал:

- Милости просим, Виктор Иванович и доктор, к нам, в кают-компанию...

Кают-компания была полна провожающими и хозяевами-моряками, отправляющимися в дальнее плавание.

Огромный стол, над которым висела большая лампа и по переборкам каюты горели свечи в кенкетках, сверкал белизной белья, сервизом и хрусталем и заставлен был закусками и бутылками.

Распорядитель пиршества, молодой лейтенант Веретьев, выбранный кают-компанией содержанием на шесть месяцев, только что одевший восточных в нитяные белые перчатки и просивший их не подгадить и не облить соусом при подаче громадных рыбин и индеек, - не без горделивости оглядел убранство стола и, при входе капитана, пригласил садиться.

Провожавшие мужчины - преимущественно моряки - были веселы. Некоторые дамы, и особенно старые, провожавшие сыновей - были серьезны и с заплаканными глазами; были, впрочем, и веселые молодые лица.

Капитана усадили, конечно, на почетное место, на диван во главе стола. С одной стороны сидел старик адмирал, провожавший сына, с другой - доктор Николаев.

Но перед этим Виктору Ивановичу пришлось познакомиться с некоторыми гостями и ответить знакомым дамам, что жены нет потому, что нездорова.

Кое-как разместились. Гостеприимные хозяева-моряки, уже обменявшиеся последними интимными уверениями, пожеланиями и наставлениями со своими близкими в уединении кают, здесь, на людях, не давали воли своим чувствам и угощали своих дам, накладывая им на тарелки всего в таком количестве, которое словно бы свидетельствовало о силе невысказываемых в публике чувств и о желании утешить и матерей, и жен, и сестер.

Мужчин не приходилось утешать в этот адмиральский час. Они уже без угощения выпили по две рюмки и ели разнообразные и вкусные закуски. И провожавшие, казалось, еще более оживились и находили, что три года плавания "пронесутся как миг".

Старый адмирал, толстый, с большим животом и добродушным лицом с крупными чертами, ел свежую икру с наслаждением и вдумчивостью заправского гурмана, маленькие и заплывшие глазки которого блистали плотоядным огоньком.

- Отличная икорка, Виктор Иванович! - промолвил адмирал, словно бы объявляя благодарность капитану за хороший смотр.

Разумеется, адмиралу налили еще рюмку померанцевой и наложили на тарелочку изрядную порцию икры.

- Вот этого не покушаете в дальнем плавании! - участливо заметил адмирал, обращаясь к капитану.

И словно бы в виде утешения прибавил:

- Славное судно ваш корвет, Виктор Иванович. И в образцовом порядке. Понимаю, как приятно командовать "Воином" и идти на нем в дальнее плавание...

И, не ожидая ответа, адмирал принялся за икру.

- Любит покушать! - смеясь, прошептал на другом конце какой-то мичман.

- Это ведь он говорит: "Кто любит есть, садись подле меня, кто любит пить - садись подле брата!" - ответил пожилой моряк, сидевший около своего племянника-мичмана. - Брат адмирала не глуп выпить.

- Так надо садиться между обоими! - засмеялся мичман.

Подали на двух блюдах огромные форели. Вестовые, с напряженными раскрасневшимися лицами, осторожно обносили блюда и соусники с подливкой, поглядывая на лейтенанта Веретьева, который отрывался от оживленной тихой беседы со своей женой - пикантной брюнеткой лет тридцати, известной в Кронштадте, обворожительной, кокетливой Надеждой Викентьевной, сводившей с ума и мичманов и адмиралов, - и бросал тревожные взгляды на вестовых.

- Молодцами! - довольно шепнул он подававшему ему белобрысому вестовому с выкаченными глазами и наложил жене и себе по большому куску форели.

- Это ты, Ника, можешь так есть в такие минуты! - шепнула пикантная брюнетка, и в ее черных красивых глазах, только что бесконечно покорно-грустных, уже стояло выражение упрека и неудовольствия.

- Надя... Что ты? - чуть слышно промолвил лейтенант.

- Хороша любовь!

- Надя!

- На три года расстаемся и... навалил... Ты можешь есть, а я... я не могу...

- И я не могу... Так, нечаянно... Какая еда теперь!..

И лейтенант не без тайного сожаления только ковырнул рыбу и стал говорить о том, как будет тосковать.

Пикантная брюнетка не дотрагивалась. Глаза ее снова стали бесконечно грустными. Все могли видеть, какая она несчастная Пенелопа{434}.

- Еще бы нам не тосковать, милая Надежда Викентьевна! - заметила высокая, полная и некрасивая дама, сидевшая рядом. - Они, - и некрасивая дама строго взглянула на своего мужа, старшего штурмана Василия Ивановича, худенького, маленького и скромного человека лет под пятьдесят, - они там будут веселиться, а мы...

Василий Иванович покраснел, как пион.

Это он будет веселиться? Он, отправляющийся в третье кругосветное плавание главным образом потому, что семья большая и Василий Иванович во всем отказывал себе, чтобы больше прикопить денег в плавании на приданое для дочери. Он принял предложение идти на "Воине" и потому, чтоб не раздражать своим присутствием свою монументальную Анну Петровну, допекавшую смиренного Василия Ивановича главным образом жалобами и упреками в том, что она далеко не счастливая женщина, как рассчитывала двадцать лет тому назад, когда была доверчива и неопытна...

И Василий Иванович "дернул" рюмку мадеры и промолвил, обращаясь к Надежде Викентьевне:

- Какое там веселье... Разве вот мичманам-с...

- Конечно! - подтвердил Веретьев.

И, заметив, что время подавать индейку и шампанское, мигнул старшему вестовому, занимающему должность буфетчика.

Розлили шампанское.

Старый адмирал поднялся и сказал несколько слов пожеланий успешного плавания, и заключил комплиментом капитану. Капитан предложил тост за всех провожающих.

Затем раздавались чокания и новые тосты. Пили за капитана, за дам, за адмирала, за всех офицеров. Пили за мужей и жен, женихов и невест. Молодой судовой врач догадался предложить тост за команду...

Дамы снова начали утирать слезы. Монументальная дама со слезами на глазах советовала Василию Ивановичу беречься и шептала о супружеском долге. Василий Иванович только пожимал плечами и не краснел потому, что и без того был красен после мадеры, шампанского и шартреза. Два жениха, лейтенант и младший механик, приуныли и тихо повторяли клятвы.

- Смотри, Ника! - шептала пикантная брюнетка.

- О, Надя...

- Не транжирь денег, Анатолий! - говорил адмирал.

- О, папа!

Кофе был выпит. И в каюту вошел сигнальщик и доложил с вахты:

- Пары готовы. Скоро "опанер"!{436}

Капитан встал из-за стола и, простившись со всеми провожающими, вышел наверх и поднялся на мостик.

- Всех наверх, с якоря сниматься! - раздалась команда вахтенного мичмана.

Еще последние прощания, и провожавшие перебрались на пароход. Сходня была убрана.

- Ход вперед!

"Воин" тихо двинулся. Двинулся в Кронштадт и пароход.

С парохода и с корвета раздались прощальные приветствия.

Матросы снимали зюйдвестки и крестились на Кронштадт.

- Прощай, Россия! - воскликнул кто-то.

Корвет пошел полным ходом и, обменявшись с Кронштадтом салютом, через четверть часа был в море...

ПРИМЕЧАНИЯ

БЛЕСТЯЩЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Первая публикация не установлена.

Печатается по изданию А.Ф.Маркса, 1907-1908, под редакцией П.В.Быкова.

Стр. 410. Фрыштык (искаж. нем.) - завтрак.

Стр. 418. Антик - здесь: человек с необычными мнениями, привычками (устар.).

Стр. 420. "Исайя, ликуй!" - Текст, который поется во время чина бракосочетания в православной церкви при первом обходе жениха с невестой вокруг аналая.

Стр. 434. Пенелопа - верная жена Одиссея в "Одиссее" Гомера, терпеливо, в течение двадцати лет, ожидавшая его возвращения.

Стр. 436. Скоро "опанер"! - Опанер (апанер) - положение якоря при его выборе, когда якорная цепь смотрит вертикально, сам же якорь еще не отделился от грунта (морск.).

В.Гуминский